

ВАРИАНТНОСТЬ РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, МОТИВИРОВАННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ И ГЛАГОЛАМИ: СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

У статті розглядається одне з актуальних, але недостатньо вивчених питань російської словотвірної стилістики: варіантність прикметників, мотивованих спільнокореневими іменниками або одним іменником та дієсловом. Виявляються загальні тенденції, пропонується семантичний алгоритм диференціації таких варіантів.

Ключові слова: практична стилістика, словотвір, прикметник, іменник, дієслово, варіантність, семантика.

Попов С.Л. Вариантность русских прилагательных, мотивированных существительными и глаголами: смысловозначительные тенденции. В статье рассматривается один из актуальных, но недостаточно изученных вопросов русской словообразовательной стилистики: вариантность прилагательных, мотивированных однокоренными существительными или одним существительным и глаголом. Выявляются общие тенденции, предлагается семантический алгоритм дифференциации таких вариантов.

Ключевые слова: практическая стилистика, словообразование, прилагательное, существительное, глагол, вариантность, семантика.

Popov S.L. Variance of Russian adjectives which are motivated by nouns and by verbs: distinctive trends. In the article one of the important but insufficiently studied problems of Russian derivational stylistics is analyzed: variance of Russian adjectives which are motivated by cognate nouns or by one noun and by a verb. Overall trends are revealed, a semantic algorithm for differentiation of such variants is proposed.

Keywords: practical stylistics, word formation, adjective, noun, verb, variance, semantics.

Образование русских прилагательных от однокоренных или одних и тех же существительных, а также глаголов вариантно в силу нередко наблюдаемой в богатом арсенале суффиксов русского языка синонимии.

Так, если суффиксы однокоренных существительных формально-грамматически определены и потому к паронимическому смешению образованных с их помощью слов не приводят (например, *провокация* и *провокатор* благодаря своим суффиксам различаются как 'действие' и 'лицо'), то производные от таких существительных прилагательные (*провокационный* и *провокаторский*) не очень ясно (по крайней мере, для носителя языка — не лингвиста вообще и не дериватолога в частности) толкуются как 'свойственный' или 'относящийся' 'к тому, что названо мотивирующим словом', что обуславливает частотную паронимию, то есть вариантность, полученных прилагательных.

Еще сложнее выбор ситуативно верного варианта в случае, когда от одного существительного с помощью семантически близких суффиксов образуются два-три прилагательных (например, от *стилист* — *стилистский* и *стилистический*, от *гуманист* — *гуманистский*, *гуманистичный* и *гуманистический*).

Более того, будучи словами, с одной стороны, однокоренными, с другой — близкими по семантике морфем не только корневых, но и суффиксальных, эти словообразовательные варианты прилагательных оказываются

представленными одновременно в словарях синонимов и паронимов с часто поверхностными и потому не всегда дифференцирующими словарными толкованиями их значений [9]. Указанные толкования не дают возможности пользователям этих словарей, в частности тем, кто практически работает со словом, и что печальнее всего – корректорам и редакторам, четко осознать различия между такими вариантами ни в каждом конкретном случае, ни в плане комфортного для пользования алгоритмичного обобщения.

Недостатки словарей русских паронимов общеизвестны. Это и указанная выше неясность толкований различий между паронимами, и далеко не полный охват всей имеющейся в языке паронимической лексики [2: 11; 7: 4–5], и отражение в словарях однокоренных слов, которые вряд ли можно отнести к паронимам по существенному для последних признаку частотного смещения в речи (очевидно, лишь чрезвычайно некомпетентная языковая личность может семантически не различать такие слова, как *оклик* и *отклик*, *явление* и *проявление*, *превратить* и *предотвратить*, *медленный* и *медлительный*), и другие упущения. Однако для нас сейчас важно иное: словари паронимов – в силу формального и семантического разнообразия представляемых в них слов – экстенсивно вбирают в себя все возможные, в том числе случайные, несистемные смещения, никак не обобщая смещения системные, типичные, связанные с регулярными деривационными процессами, порождающими паронимы по продуктивным моделям. В то же время в посвященном проблемам русской паронимии докторском исследовании Т.В. Веракша приходит к выводу, что «в пределах пароопозиций, принадлежащих к одной части речи, выявляются некоторые наиболее характерные словообразовательные типы, которые способствуют увеличению фонда паронимов русского языка» [2: 81]. Именно такие типичные проявления смещения паронимов и представляют, по нашему убеждению, первоочередной интерес для исследования, ведь, во-первых, любое грамматически типичное явление составляет ядерную часть поля, к которому оно принадлежит, и это ядро должно быть исследовано раньше, чем нерегулярно коррелирующая с ним в поле периферия, а во-вторых, типичное представляет собой большую часть трудных случаев вариантности и потому его изучение крайне необходимо для практических, прежде всего – корректорско-редакторских, нужд.

Варианты прилагательных, мотивированных однокоренными или одними и теми же существительными, не раз становились объектом внимания лингвистов. Эти варианты неизменно составляют значительные, хотя и не системно представленные части словников в словарях паронимов русского языка и нередко встречаются в словарях синонимов русского языка. Особенности образования и употребления вариантов прилагательных на *-ический* и *-ичный* подробно рассматривались В.А. Гречко в [5: 94–103]. В.И. Красных – по причине трудности семантической дифференциации этих вариантов – называет такие слова (например, *артистический* – *артистичный*, *драматический* – *драматичный*, *фантастический* – *фантастичный*) частичными паронимами, у которых «семантическое размежевание объема значений является незавершенным» [7: 6]. Но первым и последним на сегодняшний день классифицирующим исследованием словообразовательной вариант-

ности вообще и интересующих нас дериватов в частности является раздел «Словообразование» в [4: 367–437], написанный Л.П. Катлинской. В нем автор показывает 4 типа вариативного образования прилагательных от однокоренных или одних и тех же существительных (в четвертом типе один из двух коэкзистенциальных вариантов — отглагольный).

Рассмотрим представленные Л.П. Катлинской типы вариантов с целью возможного выявления не описанных ранее семантических закономерностей их дифференциации, а также с целью обобщения участвующих в таком различении смысловых признаков.

1. Варианты типа *организационная работа* — *организаторская работа* [4: 403–405]. В данных вариантных парах прилагательные образуются с помощью суффиксов *-онн-* и *-ск-* от разных основ. Суффикс *-онн-* «свободно сочетается с основами существительных на *-ация*», «прилагательные с этим суффиксом обозначают признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом». Прилагательные с суффиксом *-ск-* образуются от основ со значением лица и имеют значение «относящийся или свойственный тому, кто назван мотивирующим словом» [4: 403–404].

Сразу заметим, что термин «свойственный» в данном случае избыточен. Он применяется в толкованиях качественных прилагательных, которые имеют степени сравнения, ведь свойство всегда присуще чему- или кому-либо в какой-то мере (степени). Однако прилагательные, принадлежащие к деривационным типам *организационный* и *организаторский*, не образуя форм степеней сравнения, остаются прилагательными относительными и потому могут ограничиться толкованием «**относящийся к тому, что названо или кто назван мотивирующим словом**». То есть в данном типе вариантов наблюдается противопоставление их значений по признакам не только «явление / лицо», но и «неодушевленность / одушевленность». (Если же существительное с суффиксом *-атор* обозначает не одушевленное лицо, а неодушевленный предмет, то относительное прилагательное от него образуется с суффиксом не *-ск-*, а *-н-*: так, от *синтезатор* образуется *синтезаторный*, но не *синтезаторский**.)

В целом очевидно, что дифференциация семантики таких вариантов особой трудности не представляет, так как неодушевленность и одушевленность их мотивирующих слов — признаки легкоразличимые: *организационная работа* есть «работа, относящаяся к **организации**» (неодушевленному явлению), а *организаторская работа* есть «работа, относящаяся к **организатору**» (одушевленному лицу). Заметим также, что имеющие значение неодушевленного явления существительные с суффиксом *-ация-* и имеющие значение одушевленного лица существительные с суффиксом *-атор* в свою очередь синхронно мотивируются одним глаголом (в нашем примере — *организация* и *организатор* одновременно образуются от *организовать*), что, по-видимому, и обуславливает регулярность мотивации этими существительными соответствующих им по семантике прилагательных.

2. Варианты типа *туристический* — *туристский* [4: 407–410]. В данных парах наблюдаются — тоже относительные — прилагательные, которые в первом случае не мотивируются существительными с суффиксом *-изм* (они

образуются от существительных с суффиксом *-ист* — о вызванном этим фактом «морфосочетаемостном» запрете мы скажем ниже), но семантически соотносятся именно с ними, а во втором случае непосредственно мотивируются существительными с суффиксом *-ист*. То есть, как и в предыдущем типе вариантов, речь идет о существительных со значениями ‘неодушевленное явление’ и ‘одушевленное лицо’, только прилагательные в этом типе образуются с помощью других — синонимичных показанным в предыдущем типе — суффиксов: суффикса *-ическ-*, синонимичного суффиксу *-онн-* из предыдущего типа, и тем же и с тем же относительным значением, что в предыдущем типе, суффиксом *-ск-*. Однако, в отличие от предыдущего, отличающегося регулярной семантической дифференциацией типа вариантов, различие прилагательных с суффиксами *-ическ-* и *-ск-* не составляет труда лишь в случае, когда в языке функционируют оба варианта последних: например, *туристический* — ‘относящийся к туризму’ (как неодушевленному явлению) и *туристский* — ‘относящийся к туристу’ (как одушевленному лицу).

Трудность заключается в том, что нередко оба значения представлены лишь одним прилагательным: либо с суффиксом *-ическ-* (вариант с которым семантически коррелирует с существительным на *-изм*), либо с суффиксом *-ск-* (вариант с которым мотивируется существительным на *-ист*). Очевидно, справедливо не доверяя нередко поверхностным данным толковых и словообразовательных словарей, а опираясь на собственные многолетние наблюдения, Л.П. Катлинская отмечает, что, к примеру, не имеют соответствующих вариантов *милитаристский*, *субъективистский*, *экспрессионистский*, с одной стороны, и *монополистический*, *националистический*, *империалистический* — с другой. Автор не без сожаления отмечает: «В группе относительных прилагательных выбор словообразовательной модели диктуется скорее “капризами” словоупотребления, а не семантико-словообразовательными связями регулярного свойства» [4: 408] — и в качестве примера демонстрирует, как вопреки зафиксированному в словаре С.И. Ожегова при слове *волюнтаризм* деривату *волюнтаристический* реально в узусе закрепилось прилагательное *волюнтаристский* [там же]. Логично предположить, что дериваты со значением признака одушевленного лица образуются «легче» дериватов со значением признака неодушевленного явления.

В самом деле, обнаруживается, что если имеется необходимость показать атрибутивное отношение к одушевленному лицу, в соответствии с примерами Л.П. Катлинской — к *монополисту*, *националисту*, *империалисту*, то соответствующая форма, возможно (для так называемого «языкового чутья») и «со скрипом», но образуется: *монополистский*, *националистский*, *империалистский*. В то же время образование от *милитаризм*, *субъективизм*, *экспрессионизм* дериватов *милитаристический**, *субъективистический**, *экспрессионистический**, коль скоро они не успели закрепиться в узусе раньше, сейчас даже «со скрипом» затруднительно. Совершенно очевидно, что такому образованию препятствует следующий структурно-семантический запрет: здесь суффикс *-ическ-* — хотя и по продуктивной модели, но без семантического на то основания — «пытается» присоединиться к суффиксу *-ист-*, который имеет значение одушевленного лица, противоречащее значению неодушевлен-

ного явления (которое имеется у суффикса **-изм**), столь нужному суффиксу **-ическ-** для семантически успешного сочетания. Возникает резонный вопрос о том, почему этот запрет не работал раньше. Ответ может быть аргументированным только исторически: семантическое различие между вариантами на **-ский** и **-ический**, как и во многих других грамматически вариантных случаях, начало проявляться сравнительно недавно, демонстрируя историческое стремление языковых номинаций к большей точности и тем самым преодолевая печально известную абсолютную синонимию этих вариантов, зафиксированную в толковых словарях. Подавляющее большинство прилагательных на **-ический** закрепились в употреблении до начала процесса дифференциации значений прилагательных на **-ический** и **-ский**.

3. Варианты типа *типичный* – *типический* [4: 410–414]. В отличие от двух предыдущих типов вариантов, в которых (хотя и с разной регулярностью) дифференциация значений признаков неодушевленного явления и одушевленного лица осуществляется в рамках общей для них семантики относительности, в данном типе вариантов наблюдается противопоставление значений разных уровней: значений относительного и качественного. Прилагательные с суффиксом **-ическ-** описаны в предыдущем типе вариантов: они имеют относительное значение ‘относящийся к тому, что названо мотивирующим словом’ (то есть относящийся к неодушевленному явлению). Но прилагательные с суффиксом **-ичн-** имеют уже принципиально иное – качественное – значение ‘содержащий то, что названо мотивирующим словом’.

Вариантность прилагательных с указанными суффиксами – явление тоже сравнительно новое. Например, В.В. Виноградов не только не упоминает применение суффикса **-ическ-** среди «методов суффиксального словообразования в кругу относительных имен прилагательных», но и употребляет словосочетание *архаические прилагательные* (это, к примеру, *сыновний, дочерний, братний, супружний*) [3: 196–197], в то время как в современном языке в таком сочетании уместнее выглядело бы качественное *архаичные*, ведь речь идет о значении не ‘относящийся к древности’, а ‘содержащий признаки древности’. Такими признаками можно считать немногочисленность таких образованных с помощью суффикса **-н’-** (от существительных, обозначающих родственные отношения) прилагательных и устаревший (даже для середины прошлого века) характер последних.

По мнению Л.П. Катлинской, опирающейся на результаты исследования В.А. Гречко [5: 94–103], в современном языке прилагательные на **-ический** часто имеют качественное значение параллельно выражающим то же значение прилагательным на **-ичный**: «в словосочетаниях со словами типа *ответ, поведение, разговор*, по сути, возможны и *дипломатический*, и *дипломатичный*, хотя естественнее, конечно, вариант на *-ичный*» [4: 411] (образование качественных прилагательных от относительных, размытость смысловых границ между ними не раз фиксировались лингвистами в отношении одинаковых, то есть омонимичных, форм – см. [3: 175–178; 10: 541–545; 6: 125]). На наш взгляд, формулировка Л.П. Катлинской требует существенного уточнения: в словосочетаниях с указанными в цитате словами вариант на **-ичный** не «естественнее», а «чаще встречается». Мы так считаем потому, что

в соответствии с общими закономерностями формирования частей речи (см. [8: 24–84]) качественные значения прилагательных можно рассматривать как развившиеся позже, вторичные, более информативные, самим своим появлением глубже познающие действительность и потому **более частотные** в сравнении с первичными, относительными значениями прилагательных. Процитированная же выше констатация параллельности прилагательных на **-ический** и **-ичный**, судя по всему, является следствием неоправданной в данном случае абсолютизации применяемого при описании синонимов понятия нейтрализации. То, что *ответ* может быть и *дипломатическим*, и *дипломатичным*, вовсе не означает, что *дипломатический* и *дипломатичный* в сочетании со словом *ответ* вдруг оказались абсолютными синонимами с относительно-качественными значениями. Это означает другое: само существительное *ответ* — именно благодаря сочетающимся с ним прилагательным — может получать разные семантические характеристики: *ответ дипломатический* есть ‘ответ, **имеющий отношение** к дипломатии’ (относительное значение: отношение к неодушевленному явлению), а *ответ дипломатичный* есть ‘ответ, **содержащий** дипломатичность’ (качественное значение).

Как отмечает Л.П. Катлинская, в языке имеется многочисленная группа относительных прилагательных на **-ический** (разумеется, появившихся в языке раньше качественных прилагательных на **-ичный**), не приобретающих качественного значения, не имеющих качественных вариантов на **-ичный** и потому часто выступающих в качестве компонентов терминологических словосочетаний: *аллегорический*, *анархический*, *геометрический*, *диалектический* и др. [4: 410–412]. Тем не менее при необходимости выразить качественные значения соответствующие дериваты на **-ичный** по продуктивной модели образуются: *аллегоричный*, *анархичный*, *диалектичный*. Даже в отношении такого, на первый взгляд, далекого от языковой качественности понятия, как *геометрическая прогрессия*, можно поставить вопрос о том, **насколько** эта прогрессия *геометрична*. Очевидно, с позиций языкового познания действительности логично рассматривать относительные прилагательные не только как первичные, номинативные, но и как точечные указатели отношения к чему-либо, а качественные — не только как вторичные, углубленно-содержательные, но и как «растянутые» обозначения этих «точек». Такая логика и соответствует мысли Н.Д. Арутюновой о «растяжении» значений как важной тенденции пользования языком, обусловленной психологией говорящих: «стремление к точности измерения уводит от точечности» [1: 233], — и позволяет объяснить образование качественных прилагательных даже в «безнадёжно относительных» случаях.

4. Варианты типа *просветительный* — *просветительский* [4: 414–416]. В данном типе вариантов наблюдается некоторая семантическая аналогия с предыдущим типом: противопоставляются значения относительные и качественные, только прилагательные относительные, в данном случае — с суффиксом **-ск-**, имеют значение не ‘относящийся к неодушевленному явлению’ (как прилагательные с суффиксом **-ическ-** в предыдущем типе вариантов), а ‘относящийся к одушевленному лицу’ (как прилагательные с тем же суффиксом **-ск-** в первых двух типах вариантов), в то время как прилагательные

качественные, в этом типе вариантов – с суффиксом *-тельн-*, имеют ту же семантику, что и прилагательные с суффиксом *-ичн-* в предыдущем типе.

Еще одна особенность вариантов типа *просветительный* – *просветительский* заключается в том, что относительное прилагательное, с суффиксом *-ск-*, мотивируется имеющим значение одушевленного лица существительным на *-тель*, в то время как прилагательное качественное, с суффиксом *-тельн-*, мотивируется глаголом, но по смыслу соотносится с существительным, имеющим значение неодушевленного явления: *просветительский* – ‘относящийся к просветителю’ (одушевленному лицу), а *просветительный* – ‘содержащий просвещение’ (неодушевленное явление).

Иногда в языке (по причине, требующей изучения) отсутствует вариант прилагательного с качественным суффиксом *-тельн-* (*читательный**, *писательный**, *преподавательный**, *пользовательный**). В таких случаях значение качества может выражаться относительным суффиксом *-ск-* двузначного, таким образом, однокоренного прилагательного (*читательский*, *писательский*, *преподавательский*, *пользовательский*).

В случае же, когда не образуется существительное со значением одушевленного лица на *-тель*, не образуется и относительное прилагательное с суффиксом *-ск-*: например, нет *желатель** – нет и относительного *желательный**, есть только отглагольное качественное *желательный*.

Итак, предложенная Л.П. Катлинской типология вариантов учитывает не только значение словообразовательного суффикса, но и частеречную, суффиксальную, «деривационнотиповую» специфику производящей основы. В то же время очевидно, что повторяющиеся в разных типах вариантов значения вынуждают как исследователя, так и пользователя словаря абстрагироваться от указанной специфики производящей основы и сосредотачиваться на интегральных и дифференциальных семантических признаках образованных суффиксацией вариантов, ибо только эти признаки важны для идентификации различий между такими дериватами. В результате проведенного аналитического обзора мы можем сформулировать семантический алгоритм дифференциации рассмотренных типов вариантов, не зависящий от особенностей производящей основы и потому достаточно комфортный при различении таких вариантов на практике:

1. Исследованные типы вариантов представляют собой приводящую к паронимическому смешению коэкзистенцию однокоренных прилагательных: относительных с относительными (типы 1 и 2) и относительных с качественными (типы 3 и 4).

2. Относительные прилагательные делятся на два вида в соответствии с двумя относительными значениями:

2.1. Выражающие **отношение к неодушевленному явлению** – при этом функционируют присоединяющиеся к разным производящим основам синонимичные суффиксы *-онн-* и *-ическ-* (*организационный*, *гуманистический*).

2.2. Выражающие **отношение к одушевленному лицу** – при этом функционирует присоединяющийся к разным производящим основам суффикс *-ск-* (*организаторский*, *гуманистский*, *воспитательский*).

Примечание. При отсутствии в языке варианта прилагательного с суффиксом *-ическ-*, имеющим значение признака неодушевленного явления, это значение может выражаться суффиксом *-ск-* однокоренного прилагательного, имеющим также значение признака одушевленного лица (*милитаристский, субъективистский, экспрессионистский*).

3. Качественные прилагательные, будучи противопоставленными обоим видам относительных прилагательных по дифференциальной семе 'содержащий' (неодушевленное явление), образуются с помощью присоединяющихся к разным производящим основам синонимичных суффиксов *-ичн-* и *-тельн-* (*гуманистичный, воспитательный*).

Примечание 1. Качественные, с суффиксом *-ичн-*, варианты прилагательных в силу присущей им «познавательной» активности сравнительно легко образуются даже в случаях, когда не все словари эти варианты фиксируют (*аллегоричный, анархичный, диалектичный*).

Примечание 2. При отсутствии в языке варианта прилагательного с качественным суффиксом *-тельн-* значение качества может выражаться относительным суффиксом *-ск-* двузначного однокоренного прилагательного (*читательский, писательский, преподавательский, пользовательский*).

Представляется как семантически интересным, так и практически полезным дальнейшее изучение приводящей к паронимическому смешению словообразовательной вариантности русских прилагательных, например, мотивированных только глаголами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1988.
2. Веракша Т.В. Функционально-семантическая дифференциация паронимов русского языка : [Монография] / Т.В. Веракша. — Санкт-Петербург : НИИХ СПбГУ, 2000.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : [Учеб. пособие для вузов] / В.В. Виноградов ; [отв. ред. Г.А. Золотова]. — [3-е изд., испр.]. — М. : Высш. шк., 1986.
4. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М. : Наука, 2001.
5. Гречко В.А. Лексическая синонимика современного русского литературного языка / В.А. Гречко. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1987.
6. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) : [коллективная монография] / [В.Л. Воронцова, М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова и др.]. — М. : Языки русской культуры, 1996. — С. 90–141.
7. Красных В.И. О лексических паронимах в современном русском языке / В.И. Красных // Красных В.И. Толковый словарь паронимов русского языка : 1100 паронимических рядов, более 2600 паронимов / В.И. Красных. — М. : Астрель : АСТ, 2007. — С. 3–10.
8. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова. — [3-е изд.]. — М. : Издательство ЛКИ, 2010.
9. Попов С.Л. Русские паронимы и однокоренные синонимы: трудности интерпретации / С.Л. Попов // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. — Харьков, 2010. — № 1–2 (42). — С. 12–17.
10. Русская грамматика : [В 2 т.] / [гл. ред. Н.Ю. Шведова]. — Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М. : Наука, 1982.